

Степанов Михаил Геннадьевич

**"БОЛЬШОЙ ТЕРРОР" В СССР (1937-1938 ГГ.): ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье дан анализ концептуальных моделей "большого террора" в СССР (1937-1938 гг.) в российской историографии. В рамках современной отечественной историографической традиции были выделены два направления в изучении проблемы: несталинистское (предпринимаются попытки частичной реабилитации массовых политических репрессий в СССР) и либеральное ("большой террор" позиционируется исключительно как противоправная деятельность государства в 1937-1938 гг.). Кроме того, в статье показаны наиболее популярные оценки "большого террора" в либеральном направлении: ликвидация "пятой колонны", самоистребление населения, сталинская социальная инженерия, "контрреволюционный переворот" И. В. Сталина, тотальная кадровая ротация, этническая чистка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/47.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 178-181. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

FACTORS OF DIGITAL IMAGE EFFECTIVENESS AS SOCIAL-TECHNOLOGICAL PHENOMENON

Spicheva Dina Ivanovna

National Research Tomsk State University
speicheva@rambler.ru

The author gives an idea about the communicative-managerial essence of digital image in the context of new media, suggests her own definition, and drawing attention to the problem of digital image use as a tool of influence on target audience consciousness and behaviour, describes factors that explain the effectiveness of this influence, which allows the modern man to become free under the conditions of manipulative communications that are put into practice by the basic subjects of digital image in the era of new media.

Key words and phrases: digital image; new media; symbolic capital; publicity capital; design; cultural code.

УДК 629.33

Исторические науки и археология

В статье дан анализ концептуальных моделей «большого террора» в СССР (1937-1938 гг.) в российской историографии. В рамках современной отечественной историографической традиции были выделены два направления в изучении проблемы: неосталинистское (предпринимаются попытки частичной реабилитации массовых политических репрессий в СССР) и либеральное («большой террор» позиционируется исключительно как противоправная деятельность государства в 1937-1938 гг.). Кроме того, в статье показаны наиболее популярные оценки «большого террора» в либеральном направлении: ликвидация «пятой колонны», самоистребление населения, сталинская социальная инженерия, «контрреволюционный переворот» И. В. Сталина, тотальная кадровая ротация, этническая чистка.

Ключевые слова и фразы: российская историография; Советское государство; сталинизм; неосталинизм; политические репрессии; «большой террор».

Степанов Михаил Геннадьевич, к.и.н.Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
StepanovM@yandex.ru**«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» В СССР (1937-1938 ГГ.): ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]**

Новый этап развития репрессивной политики как в центре, так и на местах в 1937-1938 гг. получил название «большого террора», когда карательные акции приняли массовый характер. Именно «большой террор» в СССР стал одной из первых научных проблем, которые привлекли широкое внимание исследователей в современной отечественной историографии.

Опубликованные к настоящему времени работы, в которых реабилитируется роль И. В. Сталина в проведении политических репрессий, позволяют утверждать о формировании неосталинистского направления в современной российской историографии. Данное утверждение хорошо иллюстрирует работа М. В. Назарова [20]. Также Ю. В. Емельянов снимает с И. В. Сталина вину за политические репрессии, считая, что Сталин верил всем письменным материалам, представленным ему недобросовестными работниками НКВД, и что жестокость репрессий во многом отвечала господствующим настроениям в обществе [8]. В целом Ю. В. Емельянов придерживается взгляда, согласно которому «Ягода – плохой нарком НКВД СССР, Ежов – хороший» [Там же, с. 117]. Данные умозаключения Ю. Емельянова объясняются исключительно субъективным видением проблемы, а не детальным анализом исторических источников.

На наш взгляд, нельзя также согласиться с тезисом С. Кремлева о том, что «репрессиям начала и конца 30-х годов пока не дана всеобъемлющая объективная оценка» [13, с. 134]. Кроме того, С. Кремлев предлагает развести «два достаточно разных процесса: ликвидация возможной —ятой колонны» в низах общества и ликвидация конкретного антигосударственного (формально – антисталинского) заговора –верхов». Эти две категории репрессий совпали по времени и были, безусловно, взаимно связаны – хотя бы их общей направленностью против антисоциалистических элементов. Но, тем не менее, для того, чтобы их понять, их надо четко разграничивать» [Там же, с. 140]. С. Кремлев ссылается сугубо на опубликованные партийные документы (материалы пленумов ЦК ВКП(б) и др.), причем игнорируя значительную часть доступного к настоящему времени ведомственного документального комплекса (органов госбезопасности) по проблеме.

В рамках того же неосталинистского направления в отечественной историографии следует выделить работу Д. Ю. Лыскова, в которой предпринята попытка объяснить репрессии в СССР правом советского государства обеспечивать себе защиту от «контрреволюционных элементов» общества [16, с. 27-28].

По мнению С. Миронина, в сталинское время репрессии применялись «как кара за содеянное, а не как наказание, адекватное тяжести преступления» [18, с. 72]. Опираясь всего лишь на некоторые воспоминания тружеников села, С. Миронин делает категоричный вывод о том, что «в 1937-1938 гг. трудовой народ был практически не затронут репрессиями, а пострадал достаточно узкий слой в основном в столице и крупных городах» [Там же, с. 73].

Однако в среде профессиональных историков постсоветского периода был начат процесс переоценки массовых политических репрессий в СССР в 1937-1938 гг. на основе привлечения ранее недоступных архивных материалов, что позволило ученым сделать вывод о сугубо противоправном характере сталинских политических репрессий. Данных исследователей следует отнести к либеральному направлению современной историографической традиции.

Р. А. Медведев показал, что организованные И. В. Сталиным «московские» процессы 1936-1938 гг., в ходе которых пострадали бывшие соратники В. И. Ленина, были сфальсифицированы с целью укрепления режима личной власти Сталина. Вклад Медведева в историографию проблемы состоит в том, что он впервые среди советских историков начал разработку проблемы репрессий «большого террора» 1937-1938 гг. В целом репрессивная политика Советского государства рассматривалась Р. А. Медведевым без выявления причин перехода к ужесточению карательных мер [17].

Главным мотивационным аспектом массовых репрессий Д. А. Волкогонов считает «ненависть Сталина к Троцкому», что представляется достаточно упрощенным и спорным, хотя и может рассматриваться в качестве одного из факторов [6].

В этом контексте, на наш взгляд, представляет интерес точка зрения О. В. Хлевнюка, который на страницах своей монографии вступил в полемику со сторонниками концепции «высокой степени автономности и бесконтрольности местной репрессивной инициативы». Автор настаивает на том, что «чистка» 1937-1938 гг. была целенаправленной операцией, спланированной в масштабах государства [33, с. 188]. Основной целью этой политики, по мнению О. В. Хлевнюка, стала ликвидация «пятой колонны» [Там же, с. 196-198].

Мы должны подчеркнуть, что исследования О. В. Хлевнюка базировались на всестороннем изучении архивных материалов и послужили определенным фундаментом для дальнейших исследований проблемы массовых репрессий в СССР.

В современной российской историографии стоит обратить внимание на довольно интересную концептуальную модель «большого террора» в СССР – это модель «самоистребления населения».

Данная точка зрения законченную форму получила у А. С. Ахиезера, считающего, что «ответственность за события во время правления Сталина невозможно свалить на одно и несколько лиц, на оборотней зла. Террор проводила и поддерживала вся страна. Это было невиданное в истории самоистребление. Все население страны должно было работать, обеспечивая пополнение лагерям: доносить, арестовывать, оформлять дела, транспортировать, охранять, расстреливать и т.д. Все другие проблемы (например, эффективность производства) были отодвинуты на задний план: не было дела более важного, более срочного, нежели выполнение контрольных цифр истребительного плана» [2, с. 483].

Частично точка зрения А. С. Ахиезера нашла отражение в исследовании Д. В. Верютина [5, с. 14].

На наш взгляд, данная концептуальная модель вряд ли может даже частично объяснить происходившие в стране в 1937-1938 гг. процессы. Также нельзя согласиться с тем, что расширение террора на базе стихийного самоистребления означало, что значительная часть населения признавала право на насилие над собой правящей элиты.

Другая часть исследователей склонна давать оценочные суждения в отношении «большого террора» как попытки резкой смены социальной структуры советского общества (своеобразной социальной инженерии).

Осуждая организованный Сталиным в 1937-1938 гг. террор, А. С. Ципко заметил, что в основе «красного» и сталинского террора по отношению к крестьянству, к «бывшим», по отношению к интеллигенции, деятелям бывших партий и т.д. лежал один и тот же классовый подход. Этот подход, как известно, призывает отбросить все критерии, кроме интересов реального укрепления власти пролетариата, его диктатуры [34, с. 222]. Такой классовый подход вел не просто к войне с народом, а к войне с лучшей его частью [Там же, с. 231].

Более радикальный взгляд представлен в работе Ю. Ф. Лукина. Он призывает оценивать «большой террор» в СССР как «геноцид против собственного народа» [15, с. 59]. С. А. Папков полагает, что особенность 1937-1938 гг. заключалась в том, что террор из отдельных операций вылился в цепь непрерывных действий карательной машины с целями, часто непонятными для большинства самих жертв [22, с. 33].

В одной из многих своих публикаций Л. А. Наумов сделал однозначный вывод, который в рассмотренных выше работах также был отражен: «Репрессии не были оправданы ни с точки зрения морали, ни с точки зрения права, ни с точки зрения политической целесообразности» [21, с. 390].

В исторических публикациях постсоветского периода определенный интерес представляет подход, характеризующий «большой террор» 1937-1938 гг. как «торжество контрреволюции». Следует сказать, что основоположником такой оценки сталинских репрессий выступил в своих работах еще Л. Д. Троцкий [30, с. 147-152].

В современной российской историографии эту точку зрения попытался более детально разработать В. З. Роговин [26, с. 10]. Также В. З. Роговин развил версию о том, что «ежовщина» была превентивной гражданской войной против большевиков-ленинцев, боровшихся за сохранение и упрочение завоеваний Октябрьской революции [Там же, с. 18].

Аналогичную концепцию отстаивает и В. В. Кожин, но с других позиций. По его мнению, 1937 год – это «контрреволюция, осуществляемая –но-революционному» [12, с. 298].

В своем публицистическом произведении «Сталин» Э. Радзинский также обратил внимание на «контрреволюционный» характер «большого террора» 1937-1938 гг. [24, с. 435].

Следующая группа исследователей характеризует «большой террор» 1937-1938 гг. как генеральную кадровую «чистку» партии и органов государственной власти, которая привела к форсированной кадровой ротации.

Л. А. Гордон и Э. В. Клопов считают, что фактическим результатом репрессий стала «именно и только замена управленческих кадров» [7, с. 197].

В 1992 г. О. В. Хлевнюк утверждал, что в 1937 г. Сталин наносил удар по партии, явно намереваясь «очистить» ее от старых кадров и привести к власти новое поколение, всецело преданное вождю [32, с. 75].

Л. П. Рассказовым был сделан вывод о том, что при осуществлении политики «большого террора» была «уничтожена старая большевистская элита» [25, с. 369]. Статистика арестов высших партийных деятелей также представлена в диссертационном исследовании В. И. Ивкина [11, с. 13].

Не вполне можно согласиться с взглядом Б. П. Курашвили о том, что «жесточайшая генеральная чистка 1937-1938 гг. достигла непосредственных целей, обеспечила дееспособность общества, государства, партии на критический период истории, но невероятная чрезмерность этой чистки стала в своем дальном действии одним из факторов краха советского социализма» [14, с. 112].

Ю. Н. Жуков, проанализировав документальные комплексы фондов Российского государственного архива социально-политической истории и Российского государственного архива новейшей истории, пришел к следующему выводу: «Сегодня усомниться нельзя в том, что репрессии первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов стали неизбежным и логическим развитием давнего противостояния их с реформаторами, сталинской группой, перешедшего с мая 1937 г. в новую фазу – безжалостную и кровавую» [9, с. 457]. За «большой террор», по мнению Ю. Н. Жукова, несет ответственность лично Н. И. Ежов [Там же, с. 433-461]. Отсюда становится понятен и рефрен автора, призывающий оперировать понятием «группа Сталина», тем самым снимая ответственность лично с И. В. Сталина за развязывание в СССР политических репрессий.

По мнению Н. В. Работяжева и Э. Г. Соловьева, в результате массовых политических репрессий второй половины 1930-х гг. «Сталин в каком-то смысле осуществил старый идеал Ленина, создав абсолютно монолитную партию, в которой не было ни фракций, ни оппозиций, ни критики» [23, с. 174].

С. Ю. Рыбас же отметил, что «репрессии 1936-1938 гг. – это не имеющая аналогов по изощренности и средневековая по характеру операция одного, низшего, ядра населения против другого, высшего. Столкнулись две культуры. И чем цивилизованнее Сталин хотел показать проводимые судебные процессы, тем ужаснее они казались в Европе» [27, с. 452]. Причем, по мнению автора, вселиие Н. И. Ежова ограничивалось вселиием И. В. Сталина [Там же, с. 500]. Таким образом, С. Ю. Рыбас исключает неконтролируемость «большого террора» со стороны И. В. Сталина.

В современных публикациях ученых, обращающихся к последствиям «большого террора», затрагивается такой немаловажный вопрос в реализации массовых политических репрессий в СССР в 1937-1938 гг. – этнический аспект.

К примеру, В. И. Бруль, изучив материалы 1937 и 1938 гг., указал на непомерно высокую долю национальных меньшинств, как коренных, так и пришлых, среди репрессированных. В частности, исследователь отметил, что в отношении советских немцев они носили тотальный характер [4, с. 286]. Отсюда и закономерная оценка В. И. Брулем политики репрессий против немцев в 1937–1938 гг. как «этнической чистки» [Там же, с. 287].

Также национальный аспект репрессий получил отражение на материалах Якутии в работе Е. Е. Алексеева [1, с. 84], Хакасии – В. Н. Тугужековой и С. В. Карлова [31].

Кроме того, мы должны обратить внимание, что на рубеже XX-XXI вв. был сформулирован новый историографический подход в рамках социальной истории репрессий. Вслед за западными исследователями отечественные историки попытались реконструировать механизм репрессий, выявить факторы «закономерности» и «случайности», исследовать разные категории репрессированных, степени социальной поддержки «снизу» политики репрессий, изучить их влияние на психологию советского общества, на повседневную жизнь людей, в том числе на «маленького человека» [10; 19; 28; 29].

В целом мы можем полностью разделить оценки «большого террора» в СССР 1937-1938 гг., высказанные А. Ахиезером, И. Клямкиным и И. Яковенко: «...маховик террора в СССР был раскручен именно тогда, когда, согласно марксистским учебникам, для массовых репрессий исчезли какие-либо основания. Сталинский террор был юридически незаконным, если понятие законности вообще применимо по отношению к массовому террору. Большой сталинский террор – это выкорчевывание из управленческих структур определенно-го человеческого типа. Он потому и был произвольным, что никаких формально-юридических обвинений репрессированным даже по советским законам предъявить было нельзя...» [3, с. 503-505].

Таким образом, в современной российской историографии «большой террор» 1937-1938 гг. в СССР получил неоднозначные оценки. В большинстве проанализированных исследований данный исторический феномен рассматривается как исключительно противоправная, ничем не оправданная кампания государства. Вместе с тем следует констатировать, что в начале XXI в. появляются публикации научно-публицистической направленности, в которых предпринимаются попытки реабилитации роли И. В. Сталина в «большом терроре». Несмотря на определенную популярность у массового читателя, данные «исследования» базируются исключительно на предположениях авторов и давно введенных в научный оборот документах, которые даже не подвергаются элементарной источниковедческой критике.

Список литературы

1. Алексеев Е. Е. Национальный вопрос в Республике Саха (Якутия) (1917-1941 гг.): дисс. ... д.и.н. Казань, 1999. 98 с.
2. Ахнезер А. С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.
3. Ахнезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. 708 с.
4. Бруль В. И. Материалы архивов Западной Сибири о судьбе немецкого населения региона в 1920-1950 гг. // Российские немцы: историография и источниковедение. М.: Готика, 1997. С. 284-292.
5. Верюгин Д. В. Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... к.и.н. Курск, 2002. 22 с.
6. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина: в 2-х кн. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1990. Кн. 1. 576 с.; Кн. 2. 544 с.
7. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
8. Емельянов Ю. В. Сталин: на вершине власти. М.: Вече, 2002. 544 с.
9. Жуков Ю. Н. Иной Сталин: политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. М.: Вагриус, 2003. 510 с.
10. Журавлев С. В. Массовые репрессии 1930-х годов на микроуровне. Иностранцы Московского электроставода под прицелом НКВД // Россия в XX веке: люди, идеи, власть. М.: РОССПЭН, 2002. С. 65-79.
11. Ивкин В. И. Вопросы военного строительства в деятельности Верховного Совета СССР в предвоенные годы (1937 – июнь 1941): автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1993. 24 с.
12. Кожин В. В. Россия: век XX (1901-1939). М.: Алгоритм, 1999. 560 с.
13. Кремлев С. Берия: лучший менеджер XX века. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 320 с.
14. Курашвили Б. П. Историческая логика сталинизма. М.: Былина, 1996. 287 с.
15. Лукин Ю. Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20-80-е гг.). М.: Издательство Московского государственного университета, 1992. 204 с.
16. Лысков Д. Ю. «Сталинские репрессии»: великая ложь XX века. М.: Яуза, 2009. 288 с.
17. Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 488 с.
18. Миронин С. Сталинский порядок. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.
19. Мухин М. Ю. Советское руководство 1920-1930-х годов и авиастроительные инженерные кадры: от ненависти до любви // Россия в XX веке: люди, идеи, власть. М.: РОССПЭН, 2002. С. 154-171.
20. Назаров М. В. Тайна России: историософия XX века. М.: Альманах «Русская идея», 1999. 736 с.
21. Наумов Л. А. Сталин и НКВД. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 544 с.
22. Папков С. А. Репрессивная политика Советского государства в Сибири (1928 – июнь 1941 г.): автореф. дисс. ... д.и.н. Новосибирск, 2000. 40 с.
23. Работяжев Н. В., Соловьев Э. Г. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. М.: Наука, 2005. 327 с.
24. Радзинский Э. Сталин. М.: АСТ, 2006. 640 с.
25. Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. 465 с.
26. Роговин В. З. 1937. М.: Новости, 1996. 479 с.
27. Рыбас С. Ю. Сталин. М.: Молодая гвардия, 2009. 902 с.
28. Смирнова Т. М. «Сын за отца не отвечает»: проблемы адаптации детей «социально чуждых элементов» в послереволюционном обществе (1917-1936 годы) // Россия в XX веке: люди, идеи, власть. М.: РОССПЭН, 2002. С. 172-193.
29. Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи / сост. М. П. Лобанов. М.: Эксмо; Алгоритм, 2002. 637 с.
30. Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Московский рабочий, 1991. 364 с.
31. Тугужекова В. Н., Карлов С. В. Репрессии в Хакасии. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1998. 112 с.
32. Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 270 с.
33. Хлевнюк О. В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
34. Ципко А. С. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М.: Молодая гвардия, 1990. 271 с.

“GREAT TERROR” IN THE USSR (1937-1938): PROBLEMS OF CONCEPTUAL UNDERSTANDING IN THE MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Stepanov Mikhail Gennad'evich, Ph. D. in History
Khakass State University named after N. F. Katanov
StepanowM@yandex.ru

The author analyzes the conceptual models of “Great Terror” in the USSR (1937-1938) in the Russian historiography, within the framework of modern national historiographical traditions emphasizes two directions in the study of the problem: neo-Stalinist (the attempts of the partial rehabilitation of mass political repressions in the USSR) and liberal (“Great Terror” is positioned exclusively as the illegal activity of the state in 1937-1938); and in addition shows the most popular estimations of “Great Terror” in the liberal direction: the elimination of “the fifth column”, the self-destruction of population, Stalinist social engineering, I. V. Stalin’s “counter-revolutionary coup”, total personnel rotation, ethnic cleansing.

Key words and phrases: the Russian historiography; the Soviet state; Stalinism; neo-Stalinism; political repressions; “Great Terror”.